

© 1994 г.

ГАРОЛЬД Д. ЛАССУЭЛЛ

ПРИНЦИП ТРОЙНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: КЛЮЧ К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ*

ЛАССУЭЛЛ Гарольд Дуайт (1902—1978) — американский социолог, разработывал междисциплинарный подход к исследованию поведения личности в политике и бизнесе, массовой пропаганде, международных отношениях и других сферах деятельности.

1

Психоанализ выделяет в структуре личности три отдела, которые отвечают за отправление врожденных биологических потребностей, приобретение социальных запретов и ориентацию в окружающем мире. Новорожденный рассматривается как биологический организм, которому присущи естественные потребности в питании, экскреции и помощи извне. После созревания соответствующих желез у него возникает также способность подвергаться сексуальным импульсам. Лишь немногим, примитивным биологическим потребностям индивида дозволяется прямое удовлетворение ввиду запретов, налагаемых представителями того особого социального порядка, в который он попадает с момента рождения. Когда запреты перестают восприниматься только в связи с непосредственными препятствиями извне, а возникают под влиянием приобретенных форм поведения, складывается новый, очень важный отдел личности, который на языке психоанализа обозначается термином *super-ego*. На техническом языке психоанализа первичные биологические потребности — это *id*, запреты — *super-ego*, а адаптация к реальности происходит посредством *ego*. Несмотря на то, что при выделении в структуре личности отделов влечений, совести и сознания используются слова из обыденного языка, именно в общеупотребительности таится опасность их неверного истолкования. В данном контексте термины «совесть» и «сознание» относятся к тому же категорийному уровню, что и [неосознаваемые, а потому] неоформившиеся [в мысль] побуждения. Сознание и совесть не господствуют, а, скорее, осложняют процесс оформления побуждений, в ходе которого последние конкурируют между собой и одновременно взаимодействуют с внешним миром.

Поскольку социально-политические процессы протекают в сообществах людей, невозможно достаточно глубоко понять личность, пренебрегая анализом коллективных взаимодействий. В последние 30—40 лет в психологии набирало силу новое направление исследований серьезных отклонений в становлении нормальной личности, традиционно относившихся к сфере душевных болезней. Там, где внимание уделялось взаимосвязям между процессами, описываемыми в рамках физиологии, и процессами, описываемыми в рамках психологии и социологии, были достигнуты значительные успехи. Клиницисты, начинавшие с какого-то одного нарушения в структуре личности, совершенствовали свои методы, обобщали теоретические представления, в результате был разработан всесторонний подход к развитию личности, как нормальной, так и патологической. Фрейд открыл целую эпоху в науке, и благодаря его психоаналитической концепции

* Настоящая статья впервые опубликована в *American journal of Sociology* (1932, January). Перевод сделан по тексту издания: *Lasswell H.D. The analysis of political behavior: an empirical approach*. London: Routledge and Kegan Paul, 1949. P. 180—194 (Прим. ред.).

трехкомпонентной структуры личности мы имеем возможность по-новому взглянуть на политику и общество в целом.

Если рассматривать личность как систему и выделять шаблонные реакции, связанные с влечением, совестью и сознанием, то значение любого социального объекта для конкретного индивида можно будет истолковать в терминах воздействия этого объекта на один или более компоненты личности. Индивиды, институты, события, политические действия, доктрины, мифы и легенды могут изучаться с точки зрения их воздействия на влечения, совесть и сознание. Более того, поскольку политика — это одновременно и наука, и искусство управления, свои средства воздействия она должна адресовать всем основным отделам личности. Трехкомпонентная структура предполагает в качестве метода политического управления принцип тройного воздействия.

Применить трехкомпонентный подход можно прежде всего к отношениям индивида в контактной группе. Поскольку данный подход важен прежде всего для теории и практики административного управления, приведем некоторые результаты детального изучения одного успешно работающего администратора, под началом которого ежедневно находилось достаточно большое количество подчиненных. В ходе тщательного исследования удалось выявить сознательные и бессознательные мотивы, которые им руководили при подборе и сохранении персонала. В отдельных случаях было выявлено четкое доминирование одного из компонентов структуры. Для иллюстрации мы выбрали примеры инспектора, личного секретаря и дилера!

Случай с инспектором довольно простой. Средних лет, немногословный, добросовестный специалист, он заслужил репутацию компетентного и исполнительного работника еще до того, как его шеф вступил в свою должность. Все отмечали его профессионализм и четкость в работе, и хотя при неформальном общении он оказывался бесцветным и скучным, выполнение функциональных обязанностей оставалось вне критики. Это был чистый выбор его, поскольку полезность инспектора при решении производственных задач была бесспорной.

Воздействие на администратора со стороны личного секретаря истолковать непросто. Увидев впервые грозное лицо старой девы и услышав ее резкий раздраженный голос, всякий бы удивился тому, как ей удастся сохранять свое место. После ознакомления с ее работой в деталях удивление возросло бы еще больше. Мисс X принадлежала к тому роду людей, которые работают с такой чрезмерной скрупулезностью, что хронически затягивают все дела. Она выходила из себя по поводу малейшей неточности или отклонения от заведенного порядка, и это было невыносимо для окружающих. Ровно в 8.30 она уже была на своем рабочем месте и вытирала пыль — скорее воображаемую — со стола, стульев, настольной лампы. Бумаги, карандаши, резинки всегда лежали у нее в образцовом порядке. Рядовые сотрудники канцелярии часто сменялись и, уходя, обычно выражали сожаление по поводу невозможности работать с мисс X. Даже администратору не всегда удавалось сохранять хорошее настроение при общении с ней, но в ответ на критику в ее адрес он только пожимал плечами. Проблема заключалась в том, что, признавая неэффективность ее работы, он не мыслил, как сможет обойтись без нее. Во время одного из интервью администратор откровенно признал, что, как и все остальные, не понимает, почему так упорно держится за мисс X. Не понимал, но и не увольнял.

Когда имеется явное несоответствие между действием и его объяснением, можно предположить, что в реализации этого действия участвуют бессознательные влечения. Это было подтверждено и в данном случае. В ходе продолжительного и тщательного исследования методом свободных ассоциаций выяснилось, что мисс X обладала влиянием на администратора благодаря тому, что представляла собой своего рода пародию на идеал четкости и аккуратности, следовать которому он находил для себя слишком обременительным. Мистер Z относился к тем порывистым, впечатлительным, несколько неуравновешенным натурам, которым в определенной степени вредит юношеский максимализм (*juvenile consciences*) с его жесткими требованиями неукоснительно соблюдать разумные правила. Ему постоянно приходилось подавлять неосознаваемые, естественные для его [психологического] возраста влечения, что усиливало внутренний дискомфорт. Он мирился с мисс X потому, что она оказывала сильное воздействие на его совесть, странная робость администратора в ее присутствии была следствием «самонаказания» за полученные ранее «удовольствия». Обыкновенная для таких случаев реакция совести приняла гипертрофированные формы в ответ на требования работать эффективно. Было очевидно, что существует громадное число прилежных секретарей, не переходящих границ разумного

в своем усердии. Воздействие на нерациональный отдел, в данном случае на совесть, позволяло мисс Х занимать прочное место в окружении мистера Z.

Другой подчиненный давал еще более серьезные поводы для увольнения, чем мисс Х. В конце концов основной недостаток секретаря заключался в излишней придирчивости. А молодой Дилер часто был причиной серьезных неприятностей. Все признавали, что он исключительно приятен в общении и привлекает к себе выгодных клиентов своей открытостью, благородными манерами, неизменно хорошим настроением и громадным личным обаянием. Но эти же самые достоинства он часто использовал в предосудительных целях, что серьезно вредило его собственной репутации и доставляло неприятности шефу. Он постоянно заводил роман с женами сотрудников, не всегда соблюдая при этом скромность, которая может гарантировать благоприятное общественное мнение даже вопреки фактическому поведению. Упорство, с которым Z защищал молодого дилера, вызывало удивление и Недовольство со стороны влиятельных сотрудников компании. Его позиция казалась еще более странной, так как частная жизнь самого Z считалась образцовой, и все хорошо знали, что он не церемонился с теми, кто позволяет себе сочетать профессиональные обязанности с амурными делами. Что касается Z, то ему нелегко было отстаивать свое мнение. Не приводя никаких рациональных аргументов, он обычно ограничивался категорическим заявлением о том, что убежден в глубокой порядочности молодого человека и что было бы ошибкой поступить с ним слишком сурово, не дав ему шанса исправиться. Все лица, занимавшие ответственные посты в компании, соглашались с тем, что молодой дилер является ценным работником, но они были практически единодушны в том, что он слишком часто и беззастенчиво испытывает терпение руководства и вряд ли может рассчитывать на серьезное продвижение по службе.

В ходе аналитической беседы Z признался, что теряется в догадках относительно причин собственной снисходительности, тем более, что весьма уважал мнение людей, которые постоянно указывали на недостойное поведение дилера. Шаг за шагом выявлялись факты из биографии Z, и в результате обнаружилось бессознательные мотивы, объяснявшие его исключительную привязанность к сотруднику. Z вспомнил, что много лет назад, в юности, ему мучали сомнения в своих сексуальных способностях. Из-за несчастного случая в раннем детстве у него появился физический недостаток, так что болезненные фантазии не были абсолютно беспочвенными. В то время у Z был друг, который рано начал встречаться с девушками, чему Z завидовал. Однако друг вскоре заразился дурной болезнью, и воспоминания об этом были прочно связаны со смешанным чувством жалости и страха. Совершенно не осознавая этого, Z переносил на молодого дилера свое участие и восхищение другом юности. Этот эпизод имел для Z повышенную эмоциональную значимость и впоследствии, на что указывало его позднее вступление в половые контакты. Кроме того, через идентификацию Z обеспечивал себе частичное непрямоe удовлетворение собственного глубоко вытесненного жизненного влечения.

Было бы ошибкой считать приведенные случаи чем-то исключительным. Варьируются детали в зависимости от индивидуального опыта, а схема одна: в формировании круга общения участвуют те или иные компоненты личности, осознаваемые или бессознательные. Возможно, в ролевых рамках директора, начальника отдела, заведующего бюро, главного редактора, исполнительного директора и издателя мы руководствуемся прежде всего рациональными соображениями при подборе кадров, но людей для близкого общения в частной жизни отбирают наши жизненные влечения и наша совесть. Однако изучение реальной практики администрирования показывает, что решения никогда полностью не подчиняются соображениям полезности. Личные мотивы не только не прекращают своего воздействия, но нередко становятся доминирующими.

Эти яркие примеры из нашей практики демонстрируют лишь грубую схему. Важно подчеркнуть, что в реальных взаимоотношениях затрагиваются сразу все компоненты личности, и анализ чрезвычайно сложен. Межличностные отношения несут в себе амальгаму смыслов, связанных со всеми отделами личностной структуры, хотя часто доминирует только один.

Если процесс кадрового отбора находится под влиянием сил, модифицирующих простые соображения целесообразности, то историю становления и развития институтов можно рассматривать с точки зрения удельного веса этих модифицирующих факторов. Известны примеры, когда функции определенного института требовали для успеха неумолимости и безжалостности, однако моральные качества (совесть) его основателей приводили к

подбору людей, не способных совершать безнравственные поступки. Известны и примеры того, как чрезмерная агрессивность стоявшей у истоков предприятия кучки бандитов с дефектами в моральном облике и явными садистскими наклонностями приводила к образованию вокруг них сборища сомнительных личностей, которые губили предприятие, без надобности возбуждая негодование общественности. Или примеры, когда организация терпит крах из-за внутренних раздоров, возникающих вследствие подбора людей, отличающихся неумолимой строгостью и бездушием в соблюдении регламента, что [в свою очередь] явилось результатом временного возобладания в личности лидера асоциального или совестливого ее отдела. Или когда организация оказывалась в руках людей, не способных проявить инициативу и изменить направление работы в новых условиях, людей, которыми лидер окружил себя из-за их неспособности противостоять его нарциссическому самодовольству от единоличной разработки стратегии и личного вмешательства во все детали ее реализации.

Если нужно еще напомнить о значимости указанных моментов, можно привести примеры того, как наряду с другими, именно личностные факторы повлияли на подбор Вудро Вильсоном своего кабинета, или как благодаря тем же факторам Авраам Линкольн сумел справиться с собственными пристрастиями и привлечь выдающихся деятелей на службу в правительство. Можно вспомнить пример из сферы бизнеса, когда одной из причин разорения крупного консервного завода стала политика подбора «энергичных молодых людей», отвечающих, по оценкам высшего руководства, критериям социальной желательности и комфортности в общении.

Изучение личностных факторов, влияющих на ход формирования и развития общественных институтов, представляет интерес как для исследователей в области культуры, так и для решения задач социальной инженерии. Консультант по кадровой политике, помогающий хотя бы частично осознать названные моменты, принесет пользу тем, что защитит организацию от внутренних деструктивных тенденций, возникающих из-за влияния на рациональные суждения бессознательных влечений. Новая веха откроется в управлении кадрами на производстве, в государственных и религиозных институтах, когда будут тщательно изучены факторы, влияющие на процессы адаптации личности в коллективе.

До сих пор при рассмотрении межличностных воздействий мы ограничивались лицами, ответственными за подбор кадров. Тот же подход применим и к тем, кто несет ответственность за отбор «лидеров мнений» и «образцов для подражания». Обыкновенный человек лишен возможности получить сведения о многих фактах из жизни людей, которым он доверяет, но и не может, подобно Богу, творить в одиночку. Поэтому он вынужден доверять другим простым актом веры (и осознавать это), чтобы опрометчиво не полагаться на недостаточно обоснованные суждения и избегать всеразъедающего скептицизма. Лишь немногие черты личности обнаруживаются так же легко, как, например, способность к сильной эмоциональной привязанности или антипатии к определенной группе общественных деятелей [партии]. Там, где вряд ли можно говорить об опоре на собственные широкомасштабные наблюдения и тщательное осмысление собранных фактов, необходимо опираться на такие свойства ограниченного круга избранных, которые воздействуют на нерациональные личностные отделы большинства [в заданном направлении].

Уже самый первый опыт социальных отношений готовит человека к зависимости от других. Ребенок рождается, и тот, кто играет роль матери и обеспечивает удовлетворение первичных элементарных нужд, не получая взамен особой компенсации, предоставляет ему опытную базу для формирования первичного «инстинкта матери»¹. Как только ребенок начинает испытывать ограничения, этот первичный инстинкт теряет свою направленность на людей из непосредственного окружения, однако остатки инстинкта сохраняются в форме глубокой тоски по утраченной абсолютной зависимости от матери. Впоследствии на этот инстинкт наслаиваются самые разнообразные чувства, но он всегда присутствует и способен в любой момент обратиться на замещающий объект — Бога или любой другой человеческий символ всемогущего мирового заступника. Таким образом, человека готовят к доверию людям, чью полезность для себя он не в состоянии рационально оценить.

¹Здесь мы следуем терминологии Х.С. Салливана (Прим. авт.). Салливан (Sullivan) Х.С. (1892—1949) — американский психиатр, один из основателей динамической социальной психиатрии, целью которой он ставил изучение межличностных отношений и их гармонизацию (Прим. ред.).

Устойчивое влечение к зависимости, желание подчиняться, восхищаться, поклоняться, быть преданным упоминаются столь широко, что многие теоретики приписывают им биологические корни.

Гораздо труднее, объяснить резкую смену чувств ребенка по отношению к людям, которых он любил. Здесь мы снова вынуждены прибегнуть к помощи ученых, которые, исследуя ранние стадии развития личности, особое внимание уделяют формированию элементарных реактивных образований. Они указывают на то, что отказ от прямого удовлетворения первичных влечений сопровождается значительным дискомфортом для всего организма. Одной из врожденных реакций на возникновение внешних преград является прямое деструктивное действие. Когда социальному окружению удается перебороть или обмануть неразвитого индивида, и личность воспринимает налагаемые социумом запреты, то деструктивные влечения, как правило, вытесняются. Они не отмирают, а проявляют себя в форме непрямои агрессии на замещающие объекты. Враждебные установки, сформировавшиеся в семейном кругу, частью подавляются, а частью разряжаются в агрессии против социально значимых объектов.

Враждебные импульсы обнаруживаются в резких переменах общественных настроений. В. Вильсон 1918 г. был мудрым государственным деятелем, а в 1920 г. потерпел сокрушительное поражение. Кроме того, протест против санкционированного социального порядка находит выход в сочувствии и восхищении знаменитыми бунтовщиками и преступниками. Образы выдающихся пиратов, бутлеггеров, разбойников, бунтовщиков и пассив царственных особ представляют заботливо охраняемое народное достояние: «...Джесси Джеймс стрелял из трех пистолетов разом...»²

Другой компонент бессознательной структуры личности может проявиться в возведении своих героев в святые. Это люди, отстаивающие добродетели самоотречения, самопожертвования, благородства и непротivления злу насилием. Среди них Христос, Ганди, Джейн Адамс³ и длинный список святых и мучеников.

Существуют и герои целерациональности. В их число входят люди, сумевшие подтвердить свою исключительную полезность при достижении социально санкционированных целей, иными словами, те, кто продемонстрировал свои достижения с помощью некоторой, технически достаточно сложной, процедуры перед специально подготовленной публикой. Необходимо учитывать, что благодаря широкой известности имена таких героев воздействуют на нерациональные отделы личности, ввиду чего им начинают приписывать всеведение и чудодейственную силу. Не следует думать, что повальная мода на Эйнштейна основывается на компетентной оценке человека с улицы, поскольку настоящими экспертами могут быть лишь немногие специалисты, на которых Эйнштейн первоначально и повлиял.

* * *

Трехкомпонентный анализ отношений «личность—личность» может быть применен к исследованию смыслового воздействия тех форм социальной жизни, которые так глубоко в ней укоренились, что удостоились названия институтов. Институты для поддержания своего существования в качестве социальных объектов также должны влиять на личностные структуры. При этом их воздействие может отличаться высокой избирательностью по отношению к влечению, совести и сознанию. Э. Шпрангер выделял следующие институционализированные формы человеческой деятельности: экономическую, политическую, религиозную, социальную, эстетическую и научную⁴. Каждая из этих форм в разных культурах и в разные эпохи образует свой стиль благодаря бесконечному числу

² Джеймс (James) Дж.В. (1847—1882) — на протяжении последних 16 лет своей жизни удачливый грабитель банков и поездов, в глазах южан — Робин Гуд, сражающийся с корыстолюбивыми янки; обладал молниеносной реакцией. Причисление его к «народному достоянию» справедливо. Спустя 100 лет Американская энциклопедия так описывает его смерть: «3 апреля, вскоре после завтрака, Джесси, выложив пистолеты, полез на стул поправить картину. Боб Форд выстрелил ему в затылок» (Прим. ред.)

³ Адамс (Addams) Дж. (1860—1935) — одна из организаторов и активных, на протяжении 55 лет, деятелей социал-реформистского движения, лауреат Нобелевской премии мира за 1931 г. (Прим. ред.).

⁴ Шпрангер (Spranger) Э. (1882—1963) — немецкий философ, психолог, педагог; имеется в виду его основополагающий, неоднократно переиздававшийся труд «Lebensformen» (Прим. ред.).

внешних проявлений. К шести формам Шпрангера мы можем добавить седьмую, которую, вслед за Ф. Гизе⁵, будем называть технологической.

Экономика, политика, наука, технология воздействует на сознание человека и постоянно требуют разумной корректировки целей в зависимости от налагаемых реальностью ограничений. Первоначальное восприятие [ситуативно] вынужденных действий как граничащих с насилием может быть впоследствии гармонизировано при соотнесении их с символами цели или с социально принятыми процедурами. Когда дело касается санкционированного применения насилия, необходима мгновенная оценка имеющихся средств с точки зрения преследуемых целей. Экономика является сферой отношения между человеком и материальными объектами по поводу производства материальных же объектов и услуг. Наука пристально наблюдает за процессом развертывания реальности⁶ и развивается благодаря полетам творческого воображения. [Передовая] технология разрабатывает средства производства, мало заботясь о законах рынка.

На сдерживающую структуру личности воздействуют главным образом религиозные институты, которые приписывают молодежи отказ от прямого удовлетворения влечений, ссылаясь на заветы отцов. Власть поддерживает этот отказ при помощи системы символов [symbolic order], обращенных к первичному желанию безопасности перед лицом враждебных сил окружающего мира и тоске по участию космических сил в человеческой судьбе. Точно так же и законы, способствующие укреплению стереотипов, которые на практике и без того не нарушаются членами социума, следует относить к религиозным институтам. Те же законы, которые устанавливают императив посредством воли простого большинства или необходимого числа сторонников, относятся к другой категории и попадают в сферу обсуждаемого, постоянно меняющегося баланса властей (сферу политики).

Мир эстетического оказывает громадное воздействие на примитивные мотивы личности, потворствуя страсти к «сжиганию воды» и «растопливанию тверди», дозволяя свободные полеты фантазии в изобретении форм, прямо удовлетворяющих асоциальные и антисоциальные позы личности. Художественное воображение свободно от каких-либо обязательств перед реальностью в выборе пропорций, контура и цвета. Пределы, положенные несовершенством материала и не открытыми художником методами воздействия, — суть границы познанного, а не детерминирующие условия сферы науки. Использование искусства для украшения символов super-ego является лишь данью необходимости подкреплять императивы совести соблазном. Искусство, с точки зрения установленного порядка, слишком капризно, ибо делает много уступок примитивной натуре человека. Та же склонность выйти из-под контроля, преступить границы общепринятого, пренебречь почитаемой в гражданском обществе ответственностью проявляется и в мире социальных взаимодействий. Жар капризов и страстей постоянно подтапливает и снизу, и сверху институционально установленные барьеры. Отношения близости перебрасывают мостки через пропасть между законным и преступным, знатным и хитрым, богатым и бедным, белым и черным. Конвенциональные соглашения, берущие свое начало в super-ego, а во внешнем мире подкрепленные соответствующим поведением в формализованных социальных ситуациях, институциональным церемониалом и символами, прокладывают себе дорогу под прессом частных влечений и всякого рода привязанностей. Дружбу часто называют врагом закона, ибо дружеские связи порождают исключения из правил для всех ради того одного, которого понимают, любят, которым восхищаются.

В толковании институциональной парадигмы мы исходили из следующего. Экономические, политические, научные и технологические институты воздействуют на отдел целесообразности; для религии и основополагающих законов характерно воздействие на совесть; искусство и социальная сфера воздействуют на врожденные влечения. Однако ясно, что политика также вовлекает человеческую агрессивность, стремление к неограниченной власти равно, как к подчинению; экономика потворствует мощному влечению к стяжательству, накопительству и, потенциально, формированию установки на соперничество; наука предоставляет большие возможности для уединенных размышлений,

⁵ Гизе (Giese) Ф. (1890—1935) — немецкий социальный психолог; речь идет о его книге «Die öffentliche Persönlichkeit: statistische untersuchungen an der Gegenwart». Leipzig: Berth, 1928 (*Прим. ред.*).

⁶ Термин заимствован из «философии процесса» А. Н. Уайтхеда, общие методологические принципы которой разделял Г. Лассуэлл (*Прим. перев.*).

уклонения от многих общественных обязанностей, проявления глубоко скрытых садистских замыслов против реальности, которой она якобы служит. Таким образом, ни один из институционализированных шаблонов поведения не ограничивается воздействием на единичный отдел личностной структуры, и здесь можно выделять лишь доминирующий отдел.

Громадное разнообразие смыслов особенно характерно для сложных паттернов, которые [в совокупности] называются государственным управлением. Выше мы уже отмечали, что основанные на единодушном согласии законы являются, по существу, религиозными установлениями, а остальные относятся к политической сфере. Разумеется, и те, и другие государственные. Политическая наука как «живая» дисциплина в настоящее время представлена специалистами, прежде всего интересующимися областью государственного, и лишь потом областью политического. Дж. Кэтлин⁷ уже бросил вызов от имени тех, кто хочет заниматься изучением правительственных структур лишь в той мере, в какой они являются политическими. Тот, кто желает реальных сдвигов в сторону гомогенности предмета науки ради возможности его абстрактного представления, сочувственно отнесется к новаторскому начинанию Кэтлина. Однако чисто формальная гомогенность государственных институтов будет, несомненно, оказывать преобладающее влияние на умы изучающих политику.

Размытость границ области государственного имеет далеко идущие последствия. Большинство социальных течений, изучаемых государствоведами, не являются по своей сути политическими, технологическими или, по терминологии Шпрангера, социальными, многие из них являются религиозными. Империализм, в трактовке расширения границ или разжигания мировой революции, есть форма религии, поскольку его притязания универсальны и имеют статус абсолютных категорий. Националистические движения, становясь на путь примирения, перестают быть религией и превращаются в довольно слабые, основанные на чувствах привязанности [sentimental] объединения, социально-политические по своему характеру. В самом деле, любая секта, приобретая терпимость и способность к компромиссу, теряет признаки религиозного института, сохраняя за собой лишь название. После того как протестантская Реформация, пройдя период адаптации, заняла свое место среди церковных институтов западного общества, провозгласив принцип веротерпимости, католическая церковь превратилась в большей степени в социально-политический, нежели религиозный, институт, ибо регулирование канонических установлений стало предметом дискуссий и споров.

* * *

До сих пор принцип тройного воздействия применялся при анализе отношений «личность—личность» и «личность—институт». Следующий шаг — рассмотрение отношений «личность—событие». Каждая культура содержит в себе множество событий, участниками которых выступают различные социальные институты. Любому подобному событию присущ собственный институциональный отпечаток, поэтому тема с полным основанием могла обсуждаться в предыдущей части статьи. Однако мы считаем полезным рассмотреть ее особо, поскольку один и тот же институт время от времени может апеллировать к разным отделам личности, сохраняя доминирующее воздействие. В самом общем виде мы рассмотрели отношения между институтом, взятым как целое, и личностью. Теперь кое-что уточним в нашем анализе.

Несмотря на все привносимые побочными мотивами осложнения, процедура выборов — особенно национальных — относится к таким эпизодам [функционирования институтов] государства, в которых предполагается рациональное действие. Ситуация выбора задается рамками конкретной альтернативы и допущением, что предпочтение будет выражено без кровопролития и других эксцессов. Совершенно иной характер имеет воздействие патриотических празднеств, когда на могилы павших воинов приносят цветы, когда догматы патриотизма закрепляются соответствующим церемониалом. Такие события призваны воздействовать на совесть, подчеркивать единство лидеров с народом и его приверженность общепринятым ценностям. Есть еще всякого рода гуляния и карнавалы, на время которых повседневные приличия отменяются и допускается неприкрытое выражение

⁷ Кэтлин (Catlin) Дж. (1896—1978) — англо-американский политолог и педагог, имеется в виду его книга «The science and method of politics». N.Y.: Knopf; London: Routledge, 1927 (*Прим. ред.*).

примитивных влечений. Военные конфликты, по существу, имеют религиозный характер и требуют, помимо энтузиазма, следовать императивам «хорошего гражданина». Рассуждать некогда, ибо это период животного страха и бездумной реакции на опасность.

Во время самосудов доминирует совесть, но проявляется и характер примитивной расправы, поскольку налицо удовлетворение глубинных деструктивных наклонностей. Это происходит в случаях жестоких сексуальных преступлений, укрывательства продовольствия во время голода, актов сотрудничества с врагом в военное время. Очень часто самосуды сопровождаются полуформальными процедурами, что придает видимость ответственности за производимые действия. Выбирается «суд» для слушания обвинения, и приговор приводится в исполнение с величайшей торжественностью.

Тесную связь между потворством примитивной природе человека и требованиями подчиняться авторитету демонстрируют обряды поклонения, сопровождаемые сексуальными оргиями. Примечательно, что у сектантов религиозный экстаз также нередко тесно связан с оргиастическими действиями. Когда патриотический энтузиазм охватывает массы, солдат освобождают не только от заповеди «не убий».

Тройной анализ институционализированных событий можно распространить на политику и функционирование государственных структур. Многие в обыденной практике государства связано с охраной отправления функций его. Юридические процедуры в большой степени насыщены такого рода формальностями, однако чистый случай доминирования его являет собой естественник в научной лаборатории. Законодательная практика, административные меры против безответственного произвола, нормы уважения оппонента в дискуссии — все это имеет отношение к обеспечению функционирования его и сведению влияния предрассудков и страстей к минимуму.

Напоминание о долге выражается в торжественной атрибутике государства. Национальный герб занимает достойное место среди набора декоративных элементов. Практика открывать сессии конгресса молитвой напоминает нам о тех днях, когда власть теократий простиралась вплоть до самых отдаленных уголков нашей страны. Торжественная присяга, которую дает вступающий в должность чиновник и свидетель в суде, упоминания о долге и совести, которые обыкновено звучат в обвинительном заключении перед присяжными, моралистические обличения и предостережения, столь часто раздающиеся со стороны судейского кресла, все это направлено на укрепление sure-его участников процесса.

В целом драма судебного разбирательства и наказания на глубинном уровне направлена на вовлечение совести. Бессознательное стремление к самонаказанию, как реакция на требования совести, заставило многих оказавшихся не в ладах с законом людей совершать грубые промахи, в результате которых их преступления были раскрыты. Они искали наказания, чтобы ослабить напряжение от внутреннего дискомфорта. Многие из них, оплатив таким образом долг перед совестью, получали «индульгенцию» для нового удовлетворения своих влечений к деструктивным действиям против общества.

Сцена нарушения общепринятых норм активизирует подавленные антисоциальные влечения у свидетеля преступления и порождает кризис сознания внутри личности. Индивид стремится ослабить внутренний дискомфорт путем внешней агрессии против тех, кто, как ему кажется, мешает восстановить равновесие. Акт наказания преступника является замещающим актом примирения с собственной совестью.

Однако лишь относительно небольшая область юридических санкций может быть истолкована в терминах совести. Там, где закон основывается не на моральном консенсусе, раскрытое преступление скорее рассматривают с точки зрения неудачного делового предприятия. Индивид часто заранее просчитывает вероятность избежать наказания и оказаться за решеткой, сопоставляет возможные выгоды и риск понести издержки.

Общество организовано таким образом, чтобы человек имел возможность для прямого удовлетворения самых примитивных влечений. Оральные удовольствия являются едва ли не самыми элементарными из всех, и изучение нашей культуры показывает, что их можно получить при кусании, курении, поглощении пищи, жевании резинки и табака, разговоре, пении, выкриках. Крайне ограничены анальные удовольствия. Ощупывать дозволяется во время рукопожатий, дружеских объятий, поцелуев. Все эти первичные удовольствия в разной степени допускаются при половом акте.

Общество предоставляет возможности для проявления жестокости, особенно в сфере военных конфликтов и политики. Убийства и увечья доступны военным и полицейским, легальное убийство — судьям и прокурорам, зверства — жаждущей крови публике. Этические нормы, принятые во взаимоотношениях между близкими людьми, могут

нарушаться в пылу предвыборных или парламентских баталий. Враждебные наклонности можно проявлять в разного рода антиправительственных кампаниях и при коррумпировании чиновников. Повсеместное распространение взяточничества является побочным продуктом научения беспомощного ребенка миром всемогущих взрослых. Если ты чего-нибудь хочешь, то знай, что няня или родители могут тебе дать это, особенно если ты способен дать взамен то, чего хотят они. Взятка является одним из наиболее универсальных средств, с помощью которого слабый или нуждающийся может иметь дело с сильным и препятствующим. Кроме того, взятка таит в себе особый соблазн: нанести ущерб имеющему власть объекту, даже если он — источник реальных благ для всего социума. В этом смысле взятка должна породить неуважение к власти и удовлетворить эмоциональные потребности личности. Многие взяткодатели испытывают острое наслаждение от самого факта коррумпирования тех, кто призван являть собой общественную значимость и незаменимость конвенциональных устоев.

Сходным образом можно провести развернутый анализ смыслов социальных учений, мифов и легенд. Некоторые поговорки обращены к ego: «Мудрость начинается с сомнения». Другие обращены к совести: «Чти отца своего и мать свою». Третьи адресованы id: «Один раз живем». Сказания о геройских и постыдных деяниях, пророчества о славе и позоре, доктрины о неизменности общественных установлений и социальной изменчивости — все без исключения — адресуются различным компонентам личности: стимулируют ego, подкрепляют super-ego, высвобождают id.

* * *

Мы ограничились описанием доминирующего воздействия индивидов, институтов, событий, политических акций, доктрин, мифов, легенд на отдельные компоненты личностной структуры⁸, поэтому наш анализ оказался, по существу, типологическим и статичным. Тем не менее трехкомпонентный принцип открывает широкие перспективы в изучении социальной динамики, поскольку, не ограничиваясь простым указанием на внутреннюю структуру, он вскрывает природы сил, которые, постоянно перераспределяясь, находятся в динамическом равновесии. Коротко суть данного принципа можно сформулировать следующим образом: отсроченное удовлетворение ego и super-ego приводит к переориентации на удовлетворение id; отсроченное удовлетворение ego и id приводит к переориентации на удовлетворение super-ego.

Перевод с английского О.А. ОБЕРЕМКО

⁸ Культурные образцы, основное воздействие которых обращено на super-ego большинства членов социума, называются обычными [mores]. Образцы, действие которых направлено на id, могут быть названы «антиобычаями» [counter-mores]. Обращенные на ego паттерны можно назвать образцами целерациональности [expediences] (Прим. авт.).